

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ

Обзорная статья

УДК 272; DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-54-66

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И НАСИЛИЕ

Черноголовый Данила Дмитриевич;

Иванов Тихон Александрович;

✉ Трухина Ирина Николаевна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ Truhirina@yandex.ru

Аннотация. Исследуется связь католицизма с насильственными действиями на протяжении истории. Крестовые походы, начавшиеся в XI в., стали ярким примером религиозного насилия, оправданного стремлением вернуть Святую землю. Рассматриваются инквизиционные движения, возникшие как реакция на появление противников старой церкви. Отмечается, что церковные изменения XVI в. привели к усилению репрессий против еретиков, что сопровождалось пытками и казнями. Инквизиция, достигнув апогея, продемонстрировала, как религиозные мотивы могут служить оправданием для насилия. Подчёркивается связь истории католической церкви с общеевропейской историей.

Ключевые слова: церковь, насилие, жестокость, католичество, вера, религия

Для цитирования: Черноголовый Д.Д., Иванов Т.А., Трухина И.Н. Католическая церковь и насилие // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2025. № 4 (69). С. 54–66. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-54-66.

Review article

CATHOLIC CHURCH AND VIOLENCE

Chernogolovyy Danila D.;

Ivanov Tikhon A.;

✉ Truhina Irina N.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ Truhirina@yandex.ru

Abstract. The topic explores the multifaceted relationship between Catholicism and violent actions throughout history. The Crusades, which began in the 11th century, became a vivid example of religious violence justified by the desire to reclaim the Holy Land. Next, the analysis focuses on the inquisitional movements that arose as a reaction to the emergence of opponents of the old church. The formation of the Catholic Church's order and innovations in the 16th century led to intensified repression against heretics, accompanied by torture and executions. The Inquisition reached its peak, demonstrating how religious motives can serve as justification for violence. Exploring these aspects allows for a deeper understanding of the complex relationship between the Catholic Church and violence, as well as their impact on European history.

Keywords: church, violence, cruelty, Catholicism, faith, religion

For citation: Chernogolovyy D.D., Ivanov T.A., Truhina I.N. Catholic church and violence // Psihologopedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical safety problems of human and society. 2025. № 4 (69). P. 54–66. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-54-66.

Размышления о понятии насилия

Жестокость и насилие есть психологические качества, присущие человеку с давних времён. Они выработаны миллионами лет эволюции, которая просто не свершилась бы без их действия. Судьба несправедливо обошлась с некоторыми народами, ограничив им развитие недоступностью добычи необходимых ресурсов на собственной территории. Убийства, кровь, завоевания были лишь необходимыми условиями их существования, борьбой за жизнь, ради которой приходилось отнимать её у других.

Войны вырастали на почве веры ещё задолго до наступления нашего времени, примером чему может послужить хотя бы поход мусульман на Европу в первой половине восьмого столетия. В связи с этим возникает вопрос: не способствует ли религия проявлению насилия вместо того, чтобы способствовать его преодолению, не служит ли она скорее его источником, нежели решением проблемы?

Жестокость и насилие в той или иной степени – часть любой религии. И священники, и проповедники, как и все члены общества, не лишены лицемерия, ведь именно окружение создаёт нас, даже в том почтенном возрасте, в котором находятся прозревшие «истину» люди. Принцип, гласящий «чем больше страданий на земле, тем больше благ на небе», уже давно позабыт и искаён до невозможности. Если требуется достичь каких-либо целей, объявляется их божественная сущность, если требуется найти вину неудач, говорится о греховности общества, а каждому его члену предлагается купить индульгенцию, способную искупить не только совершенный, но и планируемый грех [1, с. 78–120]. Но разве хоть один крестовый поход совершился из благих намерений, разве хоть один костёр для сжигания еретиков, ведьм, евреев был зажжён во имя «Святой Троицы?»

История человечества пронизана жестокостью и насилием. Они уже настолько сильно въелись в наш социум, что за их обыденностью люди перестали видеть их безумие. Сознание обыкновенности притупило их иррациональность. Единственное место, где присутствовал человек и где не было насилия, – Эдем, существовавший слишком недолго. Возможно, современное человечество, имея идеальные условия, всё равно погрязнет в войнах из-за одного лишь яблока раздора, роль которого сейчас занимают три всадника капитализма: власть, влияние и богатство. «И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» [2, с. 1181–1182]. Эти слова трудно увязываются с тем, что можно вычленить из хода истории.

Человек не бессмертен, не всесилен, что, по мнению Шопенгауэра, заставило его «с сотворить» какого-то своего бога, в котором отразились не данные ему природой характеристики. Возможно, поэтому он настолько несовершенен. Сложно создать что-то идеальное, будучи порочным. И если раньше божественная сущность была отделена от человека, то сейчас происходит их постепенный синтез, человек пытается занять место Христа на распятии. В будущем люди, возможно, увидят персонифицированные кресты с изображением лица их обладателей.

Жестокость может быть присуща каждому и, следовательно, любой вере. От идеи христианского богочеловечества сначала перешли к сверхчеловеку и теперь он трансформируется в «человекобожество». Один из героев Достоевского, Кириллов, в романе «Бесы» так выражает эту идею: «Будет новый человек, счастливый и гордый... Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет... Мир закончит тот, кому имя «человекобог» ... «Если нет Бога, то я Бог. Сознать, что нет Бога и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, есть нелепость» [1, с. 25]. Такая подмена веры, какую совершили, например, Гитлер или Сталин, поставив на место бога германскую расу и тоталитарное государство соответственно, прославление и достижение которых позволило бы впоследствии им самим стать богами, стоила десятков миллионов жизней.

Зарождение идеи насилия в католической церкви

Возникновение и распространение христианства также было связано с насилием: сначала язычники преследовали сторонников новой веры, а затем роли поменялись. Стоит отметить, что христианство с момента своего возникновения не было единым. Уже в его ранней версии шла острая борьба между отдельными течениями. Этот факт предопределил неминуемое разделение церкви, которое в полной мере оформилось в середине XI в., когда создались два её центра: восточный, где исповедовалось православие, и западный с его католичеством. С того момента запад не оставлял попыток подчинить себе восток, в чём ему определённо требовался мощный союзник.

Церковь и государство не могли существовать отдельно друг от друга, так как одно развивалось в границах другого, что предопределило их взаимовыгодное сотрудничество. Церковь и власть постепенно начали сливаться в единый организм, функционировавший в интересах каждого из них. Задачей светских властей было обеспечение защиты веры и церкви от посягательств, а самой церкви – легитимизация действий государства, которые зачастую вовсе не соответствовали догматам веры и бросали на церковь тень лицемерия, ведь она не единожды принимала либо прямое, либо косвенное участие в событиях, абсолютно не совместимых с её формальной сущностью. Власть, например, использовала в своих интересах идею «священной войны», а участие в ней преподносилось церковью как долг каждого истинно верующего. Причем завоевательные войны всегда считались священными, если проводились с «санкций» всеявышнего.

Пацифистский посыл раннехристианского теолога Тертуллиана о том, что «...нам раз навсегда запрещено человекоубийство» [3, с. 127] постепенно стал «размываться», примером чего являлась доктрина Аврелия Августина о необходимости ведения праведных боевых действий: «...самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, то есть в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью» [4, с. 35].

Позднее церковь приняла доктрину того же Августина о необходимости насильственной христианизации народов: «Коль скоро цель христианского государства – благо, государство, если неверие не поддается убеждению, должно принуждать людей, а не учить... Вы думаете, что никого не следует принуждать к правде, однако читаете у Св. Луки, что господин сказал своим слугам: принудьте войти всех, кого найдете» [4, с. 35]. Как человек, у которого было трудное детство, наполненное насилием со стороны родителей, впоследствии, заполучив власть, начинает воспроизводить преподанные ему в ранние годы «уроки», так и христианская религия после десятилетий выживания в подполье, спустя 500 лет своего существования, заручившись признанием короля остготов Теодориха и последнего единого правителя Западной и Восточной Римской империи Юстиниана, решила перейти к насильственным мерам против её врагов.

Также Августин пишет (цитата из трактата Ф. Аквинского «Сумма теологии»): «Если бы христианская религия запрещала войны как таковые, то ищущим спасительный совет в Евангелии [войнам] было бы рекомендовано оставить оружие и уйти с военной службы. Однако им было сказано: «Никого не обижайте... и довольствуйтесь своим жалованием». А коль скоро он [Иоанн Креститель] наказал им довольствоваться своим жалованием, то это значит, что он не возражал против военной службы» [5, с. 498]. Значит, война не только справедлива, но и обязательна.

Ссылаясь на учение Августина, Фома Аквинский говорит о тех основополагающих обстоятельствах, при которых обращение к силе вполне справедливо. Первое из них:

«согласно служащему поддержанию мира среди смертных естественному порядку необходимо, чтобы право задумывать и объявлять войну принадлежало бы тем, кто обладает наивысшей властью» [5, с. 498]. То есть, начало войны должно санкционироваться исключительно сверху, так как именно государство должно служить обеспечению всеобщего блага. В противном случае, при санкционировании снизу, необходимость боевых действий будет обусловлена интересами конкретных индивидов, которые мало что значат в контексте потребностей всего общества. Второе: «война представляется справедливой тогда, когда она является возмездием за несправедливость, когда должно покарать народ или государство за отказ возместить причиненное зло или вернуть то, что несправедливо захвачено» [5, с. 498–499]. В Послании к римлянам написано: «Он не напрасно носит меч; он – Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» [2, с. 1105]. Третье: «Истинная религия полагает мирными те войны, которые ведутся не ради превозношения или жестокости, но ради укрепления мира, наказания злодеев и утверждения добра» [5, с. 499].

Однако не было ни одной войны, которая велась бы в строгих рамках закона божьего и была лишена чрезмерного пользования властью над побеждённым врагом, поэтому в этой же работе Фомы можно прочесть: «Страсть к нанесению ущерба, жестокая жажда мести, безжалостность и неумолимость, лихорадочное отвращение, вожделение власти и тому подобное – все это по праву считается проклятием войны» [5, с. 499]. Стоит упомянуть, что деятельность Фомы приходилась на период активных действий крестоносцев в XIII в., что не могло не повлиять на восприятие верующими людьми их походов, особенно тех, что были после середины столетия.

Крестовые походы

Крестоносцы присягали на верность папе: защищать идеалы рыцарства, христиан и их веру, идти в бой за правое дело под эгидой красного креста на груди и щитах. Огненным мечом и верой в сердце они должны были искоренить заразу молодой религии ислама, прорубаясь «через тернии к звездам» (лат. «стремление к победе»), восхваляя Иисуса Христа. В награду за свои деяния и преданность делу они получали прощение всех грехов от папы (индульгенцию), земельные угодия на Родине от феодалов или земли на захваченных территориях от королей. «...Да станут воинами Христа те, кто до этого был грабителями, те, кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты», – обращаясь к разъярённой праведным гневом толпе, папа Урбан II поднял руки, дабы благословить их» [6, с. 13].

Изначально причины крестовых походов опирались на благие намерения: освободить христианские святыни от осквернения неверными, спасти жителей «Божьего Мира» (г. Иерусалима) от издевательств со стороны апологетов Аллаха. «Они, – вскричал папа, – опрокидывают алтари, оскверняют их своими испражнениями, обрезают христиан и обрезанные части кидают в алтари или крещальни... Что же сказать о невыразимом бесчестии, которому подвергаются женщины наши» [6, с. 13]. Но на деле крестовые походы оказались лишь очередным поводом для удовлетворения алчности, жажды легкой наживы, желания прославиться на костях убитых и забрать себе их богатства и территории, превратить своих злостных врагов в рабов, скованных цепями. Даже папа римский Урбан II не скрывал от своих рабов божьих целей данной военной кампании.

К тому же большинство из участников решили записаться в крестовые походы, дабы избавиться от гнета собственных феодалов, выйти из тяжелейших условий собственной жизни, нескончаемого голода и презрения со стороны своих господ. Во время первого похода крестоносцы убивали всех мусульман, находящихся в г. Иерусалиме, что нарушает главную заповедь христианства – «не убей ближнего своего». В течение походов, в случае удачных наступлений, крестоносцы не стеснялись грабить даже женщин и стариков, занимались мародерством и всегда прикрывали свои дела именем бога.

Четвертый крестовый поход стал одним из самых позорных событий для рыцарей с алым крестом на груди. Главное здесь то, что крестоносцы, шедшие с крестом распятия

Христа-спасителя на груди, пошли войной не на неверных, варваров, чужаков, они пошли войной на людей одной веры – христиан. В г. Константинополе крестоносцы устроили небывалое разграбление, массовые убийства и хаос [7, с. 26–27].

Известен и так называемый детский крестовый поход 1212 г., состоявший из десятков тысяч детей. До святых земель из них так никто и не дошел. Огромная часть погибла от страшного голода, холода и болезней. Итоги были подведены историей: тысячи убитых, сотни проданных в рабство мореплавателями, изуродованные и разбитые судьбы детей. Самое главное в этой истории то, что папа Иннокентий III не предпринял ничего для того, чтобы остановить детей, предотвратить религиозный фанатизм, а лишь благословил их на этот «священный» путь.

Убийства, совершаемые крестоносцами, заставляют задуматься: а почему так? Почему храбрые воины, которые должны стоять на страже света, добра и процветания, борясь со злом, сами обратились во зло. Почему вера их не сберегла? Или более важный вопрос: почему господь-бог мог позволить такое, если он является самой совершенной сущностью (согласно Ф. Аквинскому)? А может дьявол сидит в человеке с самого его появления? Григулевич И.А. в историческом исследовании «Инквизиция» рассуждает о том, что первым инквизитором был бог, а первые отступники от догматов «отца» были люди, что послушали ересь змея-искусителя, за что и получили божественную кару: священный трибунал, который заставил человечество позорно носить одежду и оставаться смертным до забвения своего рода [8]. Но прежде чем подвергнуться забвению, человеческий род переживает еще немало трудностей и катастроф, что обрушается на его хрупкие плечи.

Инквизиционное движение, католические ордена и папство

Средневековые – по праву самое «тёмное время» истории, когда насилие приобретает всеобъемлющий характер. Священные заповеди церковью никогда ещё не попирались настолько сильно. В своих умах церковнослужители сожгли их, будто фашисты – книги Ремарка. Средний и поздний этапы Средневековья характеризовались деятельностью священной инквизиции – движения, целью которого являлась борьба с врагами церкви, опасными для неё людьми, с передовой наукой, которая в итоге перевесит веру и через какое-то время будет предопределять развитие всего человечества.

Инквизиция как регулярно действующее учреждение существовала с XIII в., хотя отдельные попытки использования насильственных мер ради восстановления «божественного» порядка вещей присутствовали и в более ранних столетиях. Однако тогда они носили частный, скорее исключительный характер, нацеленный на уничтожение прямых, а не мнимых «врагов». Например, папа Сергий III начал свою деятельность с того, что распорядился задушить двух своих предшественников, насильственно свергнутых с престола и брошенных в тюрьму, где они должны были сгинуть. Пап не оставляли в покое даже мёртвые служители церкви, которые в силу физических причин уже никак не могли претендовать на папский трон. Гольбах П., рассуждая на тему нравственности деятелей Ватикана, писал: «Мы видим, что папа Формоз объявлен после смерти еретиком, а труп его выкопан, чтобы представать перед судом и быть выброшенным на живодёрню по распоряжению его преемника» [9, с. 207]. Возможно, именно этот факт стал основой страха перед воскрешением трупов в различных романах-хоррорах.

Централизация карательных действий церкви явилась реакцией на волну «ересей», захлестнувших Европу в начале XIII в. Представителями еретических течений (вальденсы, катары) было подготовлено позднейшее движение Реформации. Они выступали за новую «чистую» церковь, основанную на принципах суровой аскезы, нестяжательства, служения Христу. Их проповеди включали в себя простоту первоначального христианства, которого не хватало тем, кто вскоре отлучил их от церкви и организовывал жесточайшие преследования. В вопросе борьбы с ересями папские войска не щадили никого, будь то женщины или маленькие дети, которые ещё не успели пропитаться греховностью мира.

Когда у представителя папы аббата Арнольда спросили, как отличить «еретиков» от «добрых католиков», он ответил фразой, ставшей в дальнейшем крылатой: «Бейте всех подряд. Господь на небе узнает своих». Однако в таком потоке убитых можно и запутаться. Учитывая особую жестокость, с которой «посланники бога» расправлялись со своими жертвами, небеса, видимо, были переполнены. Впервые количество обитателей рая было больше, нежели ада.

Уже на ранних этапах становления христианство начало борьбу с неугодными, что впоследствии с огромным успехом переняла католическая церковь. Но, начиная от зреющей античности и раннего Средневековья и до эпохи Реформации Мартина Лютера, методы ее менялись. Поначалу, когда христианская церковь только вышла из катакомб уже давшей трещину Римской империи, в ход шли только богословская полемика и ничтожные имущественные наказания, но в дальнейшем, когда церковь окрепла в умах ее последователей, а светская власть начала сдавать свои позиции, наказания для неверных ужесточались от года к году и от столетия к столетию.

Со временем на смену словам и штрафам приходят пытки и унижения, приводившие к немыслимым человеческим страданиям и моральным мучениям. От обвинительного приговора жертва не могла избавиться даже после самоубийства, это лишь доказывало ее вину. Вообще, инквизиция никогда не оправдывала своих жертв. В лучшем случае следствие выносило вердикт: «Обвинение не доказано», но даже это не давало обвиняемому спокойно доживать свои дни. Оправдали сегодня – не означает, что оправдают завтра или послезавтра. Еретик, чья вина не была доказана, должен был ежедневно приходить к стенам трибунала и целый день стоять на коленях. Делалось это на случай, если церковь могла найти новые улики против еретика и повторно его судить.

Суд священной инквизиции был крайне жесток и несправедлив, но покрывал свои злодеяния словом божьим. Какими же средствами наказывали инквизиторы своих жертв? Инструменты их были различны: от «легких» до «унизительных», затем тюремное заключение (зачастую на пожизненный срок) и, наконец, отлучение от церкви и прямыми к костру, чтобы огонь очистил бренное тело и душу от ереси. Как правило, все епитимии сопровождались прилюдным бичеванием в церкви, когда служитель разгами бил осужденного при честном народе. Что насчёт «легких» епитимий, то всё это приводило не только к моральным терзаниям мучеников, но и порой к полному разорению их семей. К ним относились: чтение молитв, строгое исполнение церковных заветов и всех церковных обрядов, изнурительные посты и т.д. При этом малейшее несоблюдение епитимий грозило новым арестом и еще более жёсткими наказаниями, вплоть до сожжения на костре.

Но худшими из всех наказаний были «унизительные», которые чаще всего длились всю жизнь грешника, и ничто не могло спасти его от этого тяжелого бремени еретика. В этом случае, помимо всего вышеописанного, применялось еще и ношение позорящих знаков, введенных святым Домиником в 1208 г. и «усовершенствованных» позднейшими инквизиторами, в виде больших холщовых нашивок шафранового цвета, имеющих форму креста. Стоит отметить, что подобная отличительная форма и знаки использовались в нацистской Германии 1930-х гг. для евреев. Тут прослеживается сходство с нацистским значком для евреев «JUDE» и нашивками в форме креста. Если продолжать тему позорящих одежд на обвинённом, то в Испании на осужденного надевали желтую рубаху без рукавов с нашитыми на ней изображениями чертей и огненных языков из красной материи, а на голову надевали шутовской колпак. Эти нашивки еретик должен носить везде, в том числе и дома. Хоть церковь и призывала относиться к таковым с сожалением и сочувствием, но обладатели таких «прекрасных» одежд становились объектами для издевательств и глумления со стороны обычных людей. Применение пыток инквизицией доказывает лишь то, что церковь была не способна победить своих злых идеологических врагов только богословскими методами, силой убеждения, а не силой принуждения [8, с. 17].

Инквизиционное движение было тесно связано с формированием католических орденов. Орден францисканцев, образованный Франциском Ассизским в 1209 г., своей целью ставил проповедь бедности, простой жизни и отказ от богатств. В основе их учения

лежали воздержание, о прощении, любовь к страданиям, покорность властьюющим и, самое главное, аскетизм, хотя уже к середине XIII в. объединение францисканцев стало богатейшей организацией. Доминиканцы же, сплотившиеся под началом Доминика Гусмана в 1216 г., главной задачей видели борьбу с «ересями», то есть врагами папства и самой католической церкви. Именно им впоследствии папа передал дело инквизиции, в ходе которой они полностью оправдали своё неофициальное название «псов Господних» – по звуанию с латинским *Domini canes*.

Формально создание орденов было нацелено на примирение церкви и общественности, однако фактически они стали карательными органами церковного абсолютизма, за проповедуемой ими бедностью скрывалась роскошь их глав. Нищенствовали лишь рядовые члены, что в высшей степени было выгодно церковной верхушке, которая за своими «блаженными» таила богатства, которым позавидовал бы сам Якоб Фуггер младший, богатейший человек своего времени, имевший капитал, в современном эквиваленте равный 400 млрд долл. Была бы у пап возможность – они стали бы покупать себе яхты, называя их «Паллада».

Итальянский поэт Данте Алигьери в «Божественной комедии» показывает ад и, в частности, что происходит в нём с еретиками, которые попадают в шестой его круг. Шестой круг – это стены г. Дита (город Аида), охраняемого фуриями – сварливыми, жестокими и очень злыми женщинами. Глумятся они над еретиками и лжеучителями, наказание которым – вечное существование в виде призраков в раскалённых могилах. Также у Данте есть описание для высокопоставленных духовных лиц, которые торговали местами в церкви. Наказанием для них служит заточение туловища в скалу головою вниз и струящаяся по ступням раскалённая лава. «Вы алчностью растлили христиан, топча благих и вознося греховых» [10, с. 130].

В истории католической церкви XIII–XV вв. встречается очень яркий, в отрицательном смысле, персонаж. Звали его папа Бонифаций VIII. Своими действиями он «заслужил» упоминания в поэме Данте в восьмом кругу ада, где отбывают свои наказания святокупцы (духовные лица, продававшие индульгенции) и разного рода обманщики. Бонифаций VIII был крайне скверным человеком, бесконечно алчным и нещадно жадным до сана.

Амбициозный Бенедетто Каэтани, будущий Бонифаций VIII, начал восхождение к папскому престолу с того, что убедил неопытного предшественника отречься от сана, в 1294 г. занял его место и расставил на все высокие духовные должности своих родственников. Вот он – глава папской католической церкви, идеал для подражания и монумент праведного образа жизни [11, с. 205–212]. Понтифик все свое время, пока был у власти, ратовал за верховенство папы над всеми европейскими монархами. Папа провозгласил концепцию двух мечей, впервые упомянутую в Евангелии от Луки. Она гласила, что папа – избранник и представитель господа-бога на Земле – несет с собой два меча, олицетворяющие власть. Меч в левой руке – власть над духовенством. Меч в правой руке – власть над светскими государствами.

Бонифаций VIII объявил в Риме 1300 г. юбилейным и выписывал каждому индульгенцию, естественно за круглую сумму. А за все свои злодействия поплатился не только свободой, но и жизнью. Французский король Филипп IV Красивый отказался принимать абсолютную власть папы, на что последний издал буллу, в которой пригрозил отречением от церкви короля и лишением его престола. Филиппу пришлась не по душе такая дерзость, и потому он послал за папой его злейших врагов для ареста. Понтифика схватили, надели кандалы и привезли французскому королю на коленях, словно узнику. Бонифаций VIII не смог выдержать такого позора и вскоре скончался.

Так начался 70-летний период «Авиньонского пленения пап», во время которого глава католической церкви «работал на Францию» [12, с. 149–168]. Он выполнял различные поручения французского монарха, при королевском дворе находилось немало кардиналов. Со временем папы обосновались в огромном укрепленном дворце за городскими стенами, создав великолепный двор. Роскошная жизнь пап за Альпами была предметом постоянной

критики, например, со стороны Петrarки и святой Екатерины Сиенской. Папство утратило свой безусловный авторитет и никогда уже не восстановило его полностью. Именно авиньонские папы перешли к широкой продаже индульгенций. Авиньонское пленение и фискальная политика жадных французских понтификов вызвали к жизни идеи об отделении церкви от государства.

Инквизиция и Реформация

Возникновение в XVI в. новых течений религиозной мысли, направленных на преобразование католической церкви было связано с глубокими переменами в массовом религиозном сознании. Люди стали искать индивидуальный путь к богу, который, как оказалось, не всегда выражался в пожертвовании церкви богатых имущественных средств. Общественность начала интересоваться священным писанием (Библией), право на чтение которой имели, однако, лишь священники, и не только в силу указа церковной власти, но и в силу языка, на котором она издавалась, – латинского, «мёртвого» для простого люда. Но и в его среде находились те, кто владел «языком дьявола», благодаря чему Библия начала переводиться на национальные языки, стала понятной мирянам.

Католическую церковь это явно не устраивало. Распространение знания среди населения неминуемо вело к формированию у него собственного мнения. Синтез учёности и истинной веры просто невозможен ввиду того, что одно исключает безграничное простодушие, на котором основывается другое. Папы быстро смекнули, что «невежество есть мать истинного благочестия», которое, видимо, понималось как слепая вера словам любого священнослужителя. Но совершенно непонятно, как могли рассуждать об истинной вере те, кто говорил: «Давно известно, сколь полезна нам эта басня об Иисусе Христе» (это знаменитые слова папы Льва X). Видимо, и у них не получилось сплести веру и знание воедино.

Одних только карательных мер в борьбе с несогласными было явно недостаточно, вследствие чего уже при Иннокентии III под руководством Ватиканских ставленников начинают формироваться нищенствующие ордена. Их целью являлось сохранить подчинение мирян католической церкви. Интересно, что к формальной бедности стремились те, кто за всё время существования католичества ни разу не отказался от богатых подношений, и к середине прошлого столетия через посредство 40 центральных и сотни народных банков держал в своих руках 400 из 600 млрд итальянских национальных сбережений, кто не раз ради удовлетворения собственной жадности прибегал к сотрудничеству с известными в Европе торговыми домами. Первыми волками в овечьей шкуре стали францисканцы и доминиканцы.

Перевернув ещё одну страницу истории католицизма, мы увидим, что наиболее широко инквизиция начала разворачиваться в конце XV – начале XVI в. Именно в это время под влиянием эпохи Возрождения в народных массах начали формироваться новые взгляды на мир, на отношение к науке, искусству, человеческой личности и, самое главное, вере. Стали распространяться мысли о веротерпимости, укоренялась идея прогресса. Однако, охота на «ведьм» и «колдунов» продолжалась. Что интересно, вторых было гораздо меньше, нежели первых, ведь именно женщины в церковной традиции являлись виновными в совершении первородного греха.

15 мая 1552 г. папа римский Иннокентий IV огласил буллу, согласно которой разрешались пытки тех, кто подозревался в ереси. Так действия инквизиции стали законными, а члены инквизиционных органов получили большую свободу действий, хотя и до этого они себе ни в чём не отказывали. За ересь почиталось и занятие наукой, из-за чего на костёр попали многие учёные. Среди них были: Джордано布鲁но, Чекко д'Асколи, Этьен Доле, Джулио Ванини и др. Законность расправы над философами и учёными оправдывалась католиками вплоть до XX в. Кардинал Меркати в 1942 г. утверждал: «...если приходится

констатировать осуждение Бруно, то основание его следует искать не в судьях, а в обвиняемом» [13, с. 356]. Для того чтобы быть обвинённым, достаточно было простой загадочной улыбки во время упоминания в диалоге Девы Марии, которая могла свидетельствовать о кощунственном отношении человека к святой. В колдовстве, помимо людей, также обвинялись и животные, которых потенциально мог контролировать дьявол.

Гонения на «ведьм» и учёных стихли, когда у инквизиции появился новый, явный, а не мнимый, враг – Реформация. Она родилась под влиянием духовного и религиозного подъёма народного духа, породившего новые культурные запросы, которые католичество уже было не способно удовлетворить. Сами высшие чины церкви данных тенденций не заметили и не осознали всю глубину надвигавшейся на них опасности. На повестку дня встали такие вопросы, как освобождение верующих от диктата г. Рима и подчинение действий церкви государству в светских делах, которому, видимо, надоела её абсолютная власть, разворачивающая также абсолютно.

Ортодоксальность церкви была обратно пропорциональна концентрации власти в её руках, что в итоге к XVI в. привело к полному падению её нравственности. А так как церковь в умах людей ассоциируется с верой, то с изменением отношения к первой меняется и отношение ко второй, что способствовало постепенному формированию свободомыслия. Вожди духовного возрождения: Лютер, Цвингли и Кальвин, возглавлявшие отдельные ветви протестантизма, подвергли пересмотру всё, на чём держался католицизм, и поставили под вопрос традиционно понимаемую роль церкви в делах веры и спасения души. Лютер утверждал, что человек спасается не «добрими делами» (поступками, угодными церкви), а лишь глубиной личной веры и раскаяния. Любой поступок бессмысленен, если человек сам не верует в его благодать [14]. Реформаторы были также сторонниками небогатой церкви, лишённой средневековых привилегий, что являлось предпосылкой секуляризации церковных земель.

Началом Реформации считается 1517 г., когда Мартин Лютер формулирует знаменитые 95 тезисов, направленных против индульгенций и в целом против всевластия папства (хотя активное движение «несогласных» следует отнести ещё к XIV–XV вв.). Вскоре тезисы стали крайне популярны, несмотря на то, что сам Лютер не планировал распространять их. За свои взгляды он был отлучён от церкви. В 1520 г. Лютер был вызван на имперский сейм в г. Вормс, где Карл V хотел убедить его отказаться от своих идей. К данному предложению стоило отнестись с осторожностью, помня судьбу Яна Гуса. По преданию, на уговоры Карла Лютер ответил: «На том стою и не могу иначе».

Церковь пыталась вернуть себе былые позиции при помощи контрреформации, однако гонениями на Мартина Лютера уже невозможно было остановить широкое социально-политическое движение, вскоре переросшее локальные масштабы одной страны. Всего за три года отношение народа к католичеству трансформировалось из полного подчинения в полный разрыв с ним. Ко второй половине XVI в. от официальной церкви уже отпали Англия, Норвегия, Германия, Дания.

Но Реформация предоставила человеку простор мысли, которым ему не было дано воспользоваться, так как одновременно с этим она сковала свободу авторитетом Библии. Маркс говорил по этому поводу: «Лютер победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению» [15, с. 422]. Впоследствии протестантизм начал противоречить самому себе: провозглашая личность человека превыше всего, он стремился построить собственную догматическую систему, подобную той церкви, против которой выступал. Особенно ярко это видно на примере кальвинизма, когда за несогласие с мнением Кальвина грозила смерть. Так, в 1553 г. на медленном огне был казнён находившийся проездом в г. Женева испанский врач и учёный Мигель Сервет, отрицавший троичность бога. Отказ от этого догмата позволил бы, по мнению Сервета, объединить три монотеистические религии под эгидой христианства.

Уподобление своему противнику привело к утрате доверия народа к протестантизму. Течение постепенно ослабло и утратило былую при Лютере силу. В это время, подобно фениксу из пепла, начала возрождаться католическая церковь. Реформации на первых порах удалось оглушить её своими успехами в борьбе за мнение народа, однако многовековое господство, наличие централизации и огромных людских и денежных ресурсов позволили церкви ударить по протестантам с новой энергией, невиданной прежде: усилились преследования еретиков, учреждён «Индекс запрещённых книг», введён запрет на чтение священного писания мирянами. А слова Лютера о том, что знание латинского языка не делает человека верующим, были вырублены топором реакции.

Одним из последних защитников католичества стал орден иезуитов или «Общество Иисуса», явившееся главной боевой единицей церкви в борьбе за своё былое влияние. Основанное в 1534 г. Игнатием Лойолой, оно просуществовало до установления в развитых европейских странах «просвещённого абсолютизма». Изначально главной его целью была миссионерская деятельность, которая впоследствии сменилась на охрану веры и церкви. Одним из главных отличий его был тот факт, что, несмотря на приносимые монашеские обеты, вся жизнь членов ордена протекала в миру. Если другие ордена хотя бы формально провозглашали аскетизм, опрощение, то иезуиты не делали даже этого.

Общая организация ордена имела жёсткий характер, за малейшее неповинование грозило суровое наказание. Лойола учил: «Для того, чтобы быть уверенным в своей ортодоксальности, мы должны, если иерархическая церковь объявит чёрным то, что кажется белым, считать это чёрным» [16, с. 259]. Военная жёсткость в «обществе» органично сплеталась с гибкостью в соблюдении моральных запретов. Если, невзирая на обет, разрешено находиться среди простого люда, то разрешено нарушать и другие принципы, на которых основано монашество, например, соблюдение нравственности. Формально защищая нормы морали, «общество», когда ему было выгодно, уклонялось от них, нередко прибегая к хитрости, изворотливости, лжи и насилию, при помощи которых иезуиты только и достигали собственных целей. Главными методами для утверждения истинной веры и прославления папства были слежка, шпионаж, насилие. Лойола – фанатик, похожий на Раскольникова, который также считал, что ради достижения поставленных целей разрешено прибегнуть к любым методам, пусть даже аморальным. Единственное отличие – Игнатий не знал угрызений совести. Разделяя по существу «макиавелизм», иезуиты внешне выступали против Макиавелли, произведения которого причисляли к неблагонадёжным. Впоследствии орден был запрещён самим папой и продолжал своё существование как рудимент эпохи Контрреформации.

Итоги Реформации и инквизиции

Аугсбургский религиозный мир 1555 г., утвердивший принцип «чья власть, того и вера», положил начало новым отношениям между приверженцами различных религий. Однако такой процесс, как признание чувств другого человека, растянулся практически на век и смог утвердиться лишь по завершении последней в Европе религиозной войны – Тридцатилетней. Политическая роль г. Рима в эпоху Контрреформации заметно ослабла, но позиции на идеологическом поприще только усилились за счёт установления в её ходе строгой дисциплины. Духовная же сторона церкви была принесена в жертву победы любой ценой, ради которой приходилось восславлять нетерпимость, гонения и унижения.

Распространение идей гуманистов о ценности человеческой жизни как таковой, утверждение в развитых европейских странах демократических принципов оставили слишком небольшой простор для действий инквизиции былыми мерами. Несмотря на спад её активности в последующие за окончанием контрреформации годы, она продолжала действовать вплоть до XIX в. В Испании ещё в 1826 г. был случай сожжения за ересь. Лишь в 1835 г. инквизиционные суды приостановили свою «праведную» деятельность. Вообще

каждое сожжение можно было отмечать красным в календаре, так как выглядели они как торжественные празднования, ради проведения которых приглашали массу народа, высших чинов церкви и власти. Нередко сожжения проводились в течение нескольких дней. И для средневекового общества это было неким развлечением и предупреждением о необходимости соблюдения христианских правил.

Инквизиция унесла, по разным оценкам учёных, от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч жизней простых людей из разных слоёв общества, среди которых были замечательные учёные, писатели, врачи. До сих пор «инквизиция» и «инквизитор» ассоциируются лишь со зверствами, насилием и подлостью, скрывавшимися за личиной святости. У Достоевского инквизитор – это представитель католических заблуждений, человек, запутавшийся в изломах противоречий между истинным христианством и сурою прозой жизни, берущей под контроль всё античеловечное ради достижения желаемого. Притча раскрывает проблему выбора человека в пользу бога, основанного на свободном акте волеизъявления, а не на страхе перед инквизиционным судом.

Фанатики, возглавляемые папством, предали моральные идеалы церкви и учинили самый настоящий геноцид в странах Европы. Бытует мнение о том, что войска Вермахта во время Второй мировой войны руководствовались писаниями об отречениях еретиков от церкви Конгрегацией священной канцелярии – инквизиции, которая хоть и изменила своё название, не изменила своей сущности, и всё ещё оставалась той же организацией с известной всем кровавой историей. Методы, которыми пользовались и те, и другие, были почти неразличимы, разве что инквизицию не интересовали вопросы высшей нации и основы евгеники, а «истинных» арийцев не интересовали мнимые ведьмы и колдуны.

Не наблюдая жалости к кому-либо, апологеты католической церкви уничтожали ересь, а вместе с ней и самих еретиков различными способами: пытками, калечащими не только физическое, но и духовное тело человека; отречением от церкви, что для средневекового общества было смерти подобно. Ведь после того, как человек, отлученный церковью от бога, завершал свой жизненный путь, он попадал в «Геенну Огненную», куда навеки попадают грешники и еретики, искупающие свои грехи в той или иной форме.

И после всех гонений на мирное население, прилюдные казни так называемых ведьм и колдунов и прочих «неправильных», эти верующие христиане, праведные католики организованно шли в церковь и молились, восхваляя бога. Разумеется, инквизиция не возникла на пустом месте. Созданию священных трибуналов предшествовала многовековая борьба церкви с ересью, в процессе которой вырабатывались также и богословские основания необходимости применения различных видов и форм насилия, вплоть до физического уничтожения. Это была нелегкая задача, ибо теологам пришлось для оправдания инквизиции «подменять религию любви религией ненависти» [8, с. 17].

Общий итог

Жизнь не стоит на месте, она меняется подобно окраске хамелеона. Меняются и папы, но остаётся неизменным «вклад», внесённый католической церковью в общемировую систему насилия, наличие которого означает лишь слабость человеческой цивилизации, не способной придерживаться тех принципов, которые провозглашает. Церковь в случаях проявления жестокости должна до последнего, даже если это абсолютно бессмысленно, отстаивать гуманные начала, а не прибегать к их забвению. Именно в Ватикане получили распространение такие феномены, как политика двойных стандартов, так часто применяющаяся в наши дни, и религиозно мотивированное насилие, в полной мере утвердившееся во время империалистического раздела мира. Идея «священной войны» в современном мире получила ещё большее, чем ранее, искажение в лице террористических организаций, совершающих массовые убийства во имя религиозных идеалов.

Насилие лежит тёмным пятном на истории католической церкви, которое ярче всего проявилось в эпохи Крестовых походов, Инквизиции и Реформации. Этого не следует

забывать. Чтобы не повторять мрачные уроки прошлого, следует осознать ошибки и впредь не допускать их. Нужно отдать должное: католическая церковь частично признала историческую неправоту средневековой инквизиции (в частности, казнь Джордано Бруно и Яна Гуса, отлучение от церкви Галилео Галилея и т.д.). Однако общие итоги крестовых походов, как и кровавой контрреформации, до сих пор так и не пересмотрены.

Преобразование католической церкви на современном этапе должно предполагать открытый диалог как верующих различных конфессий, так светской и духовной власти в целом, обеспечение прозрачности в деятельности церкви и её иерархов. Только это поможет создать культуру, в которой социальные предпосылки насилия будут преодолены.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Бесы. Собр. сочинений в 15-ти т. Т. 7. Л.: Наука, 1990. 632 с.
2. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Синодальный текст. Редакция Эталонной Библии, 2011. 1187 с.
3. Тертуллиан К.С.Ф. Апологетик: К Скапуле / пер. А.Ю. Братухина. СПб.: изд-во Олега Абышко, 2005. 249 с.
4. Августин А. О граде Божьем. Кн. I–XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИМП-ПРЕСС, 1998. 595 с.
5. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть 2-2. Вопросы 1–46. Киев: Ника-Центр, 2011. 576 с.
6. Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? М.: Политиздат, 1991. 351 с.
7. Шейнман М.М. Краткие очерки истории папства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 192 с.
8. Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1976. 463 с.
9. Гольбах П. Галерея святых. М.: Госполитиздат, 1962. 352 с.
10. Данте А. Божественная комедия. М.: Азбука-Аттикум, 2013. 438 с.
11. Таксиль Л. Священный вертеп. М.: Политиздат, 1988. 528 с.
12. Лозинский С.Г. История папства. М.: Политиздат, 1986. 382 с.
13. Горфункель А.Х. Джордано Бруно перед лицом инквизиции. Вопросы истории религии и атеизма. Т. 6. М.: Академия наук СССР, 1958. 438 с.
14. Лютер М. О свободе христианина. Уфа: ARC, 2013. 728 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права. М.: Госполитиздат, 1955. 723 с.
16. Лейн Т. Христианские мыслители. СПб.: Мирт, 1997. 352 с.

References

1. Dostoevskij F.M. Besy. Sobr. sochinenij v 15-ti t. T. 7. L.: Nauka, 1990. 632 s.
2. Bibliya. Knigi Vethogo i Novogo Zaveta. Sinodal'nyj tekst. Redakciya Etalonnoj Biblii, 2011. 1187 s.
3. Tertullian K.S.F. Apologetik: K Skapule / per. A.Yu. Bratuhina. SPb.: izd-vo Olega Abyshko, 2005. 249 s.
4. Avgustin A. O grade Bozh'em. Kn. I–XIII. SPb.: Aletejya; Kiev: UCIMP-PRESS, 1998. 595 s.
5. Akvinskij F. Summa teologii. Chast' 2-2. Voprosy 1–46. Kiev: Nika-Centr, 2011. 576 s.
6. Pechnikov B.A. «Rycari cerkvi». Kto oni? M.: Politizdat, 1991. 351 s.
7. Shejnman M.M. Kratkie ocherki istorii papstva. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 192 s.
8. Grigulevich I.R. Inkviziciya. M.: Politizdat, 1976. 463 s.
9. Gol'bah P. Galereya svyatyh. M.: Gospolitizdat, 1962. 352 s.
10. Dante A. Bozhestvennaya komediya. M.: Azbuka-Attikum, 2013. 438 s.
11. Taksil' L. Svyashchennyj vertep. M.: Politizdat, 1988. 528 s.
12. Lozinskij S.G. Iстория папства. M.: Politizdat, 1986. 382 s.
13. Gorfunkel' A.H. Dzhordano Bruno pered licom inkviziciei. Voprosy istorii religii i ateizma. T. 6. M.: Akademija nauk SSSR, 1958. 438 s.

14. Lyuter M. O svobode hristianina. Ufa: ARC, 2013. 728 s.
15. Marks K., Engel's F. K kritike gegelevskoj filosofii prava. M.: Gospolitizdat, 1955. 723 s.
16. Lejn T. Hristianskie mysliteli. SPb.: Mirt, 1997. 352 s.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 30.08.2025; принятa к публикации: 08.09.2025
Information about the article: the article was submitted to the editorial office: 30.08.2025;
accepted for publication: 08.09.2025

Информация об авторах:

Черноголовый Данила Дмитриевич, обучающийся Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: dchernogolovyy@mail.ru

Иванов Тихон Александрович, обучающийся Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: tix0h@list.ru

Трухина Ирина Николаевна, доцент кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат философских наук, e-mail: Truhirina@yandex.ru

Information about the authors:

Chernogolovyy Danila D., student of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: dchernogolovyy@mail.ru

Ivanov Tikhon A., student of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: tix0h@list.ru

Truhina Irina N., associate professor of the department of philosophy and social sciences of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of philosophical sciences, e-mail: Truhirina@yandex.ru